

● 2 июня 1937 года родилась поэтесса Юнна

Мориц

● Вечерний звонок Юнне МОРИЦ

Я не занимаюсь производством впечатлений

Известия - 2002 - 28 мая - с. 12

— Юнна Петровна, вам Лихачев в письме как-то написал: «Пусть не называют вас поэтессой. Вы — поэт». Для вас что-то значит разница этих названий?

— У меня есть эссе на эту тему. Быть поэтессой в России труднее, чем быть поэтом. Поэтов никто не сравнивает с Пушкиным и Лермонтовым (раньше не смели, теперь уже — да), а поэтесс непременно сравнивают с Ахматовой и Цветаевой, сравнение с которыми не выдерживает ни один поэт мужского пола и потолка. А потом еще к стихам «Между Сциллой и Харибдой» у меня был такой эпиграф, взятый из моего эссе: «Единица женской силы в поэзии — один ахматвет».

А вообще это тема спекулятивная, сразу начинаются разделения: половина женщин — поэты, половина — поэтессы.

— Последние годы вы жили принципиально антитусовочной жизнью...

— Не «антитусовочной», а «нетусовочной». Это как быть «советским» поэтом, «антисоветским» и «несоветским». Искусство не равно режиму. Данте не равен режиму, при котором он жил. Шекспир, Гомер, Пушкин, Ахматова, Цветаева не равны никакому режиму.

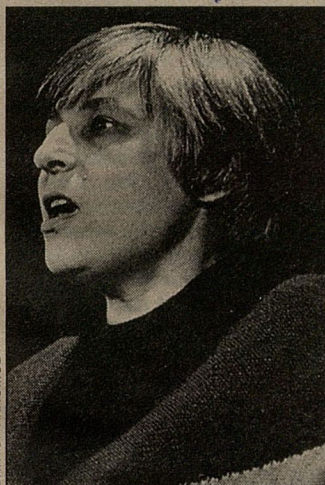
Я жила нетусовочной жизнью, потому что с самого начала почувствовала, что это не мое.

— Вы как-то говорили, что компании и команды обладают хорошей «пробивной силой».

— Всем молодым я советую идти «стаями» и «отрядами», потому что это помогает. Но я поставила другой эксперимент, и тоже ничего.

— И он закончился вашей победой?

— Я не люблю победителей. Моя поэма «Звезда сербости» кончается стихами: «Вот идет победитель всего/ Поправляет Земли выраженье/ Никогда на победу его/ Не сменяю свое поражение». Еще не известно, что победа и что поражение. Даже в спор-

ВИКТОР АХЛОНОВ

те не бывает абсолютной победы. Кто-то потом выше прыгнет и быстрее пробежит.

— Внутренний итог и смысл нетусовочной жизни?

— Я поэт в чистом виде. Я не очень понимаю утверждение: «Поэт в России больше, чем поэт». Что же еще? Трансформаторная будка? Или силовая структура?

— Помню вечер, посвященный Марису Чаклайсу, где вы были. Не потеряли связь с кругом поэтов за пределами России?

— Вы знаете, странно, но когда в республиках Балтии происходило что-нибудь трагическое — стреляли в демонстрантов например, — мы обливались слезами, звонили ночами. Помню, как я звонила замечательному поэту Иммануэлю Зиедонису.

Но когда что-либо трагическое случалось в Москве, никто оттуда никогда не позвонил. Вот это как-то удивительно. Я еще не знаю, что по этому поводу думать.

Но зачем нам с вами это интервью? Я не раскручиваюсь. Не занимаюсь производством впечатлений, нет у меня такой фабрики. Просто пишу поэзию и прозу. Рисую. И главное — еще пока жива. Этого мне достаточно.

Елена ЯКОВЛЕВА